

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ И ПРАКТИКА ПУБЛИЧНЫХ ПОХОРОН В ОТРАЖЕНИИ ИСТОЧНИКОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

© 2022

Соколова А.Д.

*Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
(г. Москва, Российская Федерация)*

Аннотация. В статье на материалах источников личного происхождения рассмотрена традиция политизированных публичных похорон, имевшая большое значение в среде сочувствовавших революционным идеям в дореволюционной России. Публичные похороны такого рода в значительной мере выходили за границы традиционного конфессионального похоронного обряда и вызывали серьезное беспокойство со стороны властей. Показано, что эта традиция зародилась и сформировалась во второй половине XIX века и позволяла публично выражать политические идеи в обход цензурных ограничений того периода. Политизированные похороны привлекали большие толпы участников и зрителей, сопровождалась революционными песнями, завершались речами и «гражданской панихидой». Показано значение публичных политизированных похорон как перформативной практики. Отмечается, что политизированные похороны далеко не всегда были антирелигиозными по своему характеру. Рассматривается реакция современников на массовые политизированные похороны. Мемуаристы отмечают внегосударственный характер похорон такого рода, который позволял соблюдать идеальный порядок даже без участия полиции. Показано, что к моменту революции 1917 года публичные революционные похороны были уже хорошо сформировавшимся общественным явлением, а ритуал торжественных похорон жертв революции на Марсовом поле восходил именно к этой практике.

Ключевые слова: революционное движение; похоронная обрядность; публичные манифестации; перформативность; городская культура; смерть; новые обряды; Российская империя; революция; Марсово поле; обрядность.

THE REVOLUTIONARY MOVEMENT AND THE PRACTICE OF PUBLIC FUNERALS BASED ON THE SOURCES OF PERSONAL ORIGINS

© 2022

Sokolova A.D.

*N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)*

Abstract. The paper examines the tradition of politicized public funerals, which was of great importance among those who sympathized with revolutionary ideas in pre-revolutionary Russia, using materials of personal sources. Public funerals of this kind went beyond the boundaries of the traditional confessional funeral rite to a large extent and elicited serious anxiety from the authorities. It is shown that this tradition was born and formed in the second half of the 19th century and allowed the public to express political ideas bypassing the censorship restrictions of that period. The politicized funeral attracted large crowds of participants and spectators, accompanied by revolutionary songs, and ended with speeches and a «civil funeral». The significance of politicized public funerals as a performative practice is shown. It is noted that politicized funerals were not always anti-religious in nature. The reaction of contemporaries to the mass politicized funeral is considered. Memoirists note the extra-state nature of a funeral of this kind, which made it possible to maintain perfect order even without the participation of the police. It is shown that by the time of the 1917 revolution, public revolutionary funerals were already a well-formed social phenomenon, and the ritual of the ceremonial burial of the victims of the revolution on the Field of Mars dates back precisely to this practice.

Keywords: revolutionary movement; funeral rituals; public manifestations; performativity; urban culture; death; new rituals; Russian empire; Russian revolution; Field of Mars; ritualism.

Введение

5 апреля (23 марта) писатель Михаил Пришвин занес в свой дневник следующую запись: «Похороны жертв революции. Небывалое на Руси: самочинный порядок. Красный гроб, красные хоругви, безмолвие церковное: звонили только в католической церкви, и то, может быть, по своей нужде. <...> «Вечная память», похоронный марш и «Марсельеза», как волны: похоже на студенческую вечеринку нелегальную. Тишина на Садовой (ущелье). Марсово поле: бегут под «Марсельезу». Красные колонны – пустыньность – простота – земля – тайна церковных похорон заменяется массой народа, движения, страха перед

давкой и т.д. И так же, как после похорон настоящих, швейцар говорит: «Порядок!» (восхищение: постоянность)» [1, с. 386]. Похороны жертв революции на Марсовом поле в Петрограде стали одним из важнейших событий революции 1917 г., ярко ознаменовав отказ от традиций прошлого и наступление новой революционной эпохи. Как бы ни относились многочисленные мемуаристы к революционным событиям, какую бы политическую силу они ни поддерживали, все они отмечали, что это событие было ни на что не похоже. Больше всего запомнились современникам толпы людей на улицах, революционные знамена и песни и полное отсутствие духовенства.

Впрочем, несмотря на тот ошеломительный эффект, который имели похороны жертв революции в марте 1917 года, к этому моменту публичные похоронные процессии такого рода были уже хорошо разработанной практикой и одной из важных традиций русского революционного движения. В этой статье на материалах источников личного происхождения будет рассмотрено развитие этой традиции во второй половине XIX века. Будет показана преемственность практик публичных похорон от дореволюционного к революционному и советскому периоду. Целью данной работы является показать большое общественное значение внеобрядовых функций похорон на рубеже XIX–XX веков. Для достижения этой цели сначала феномен публичных похорон будет рассмотрен в связи с конфессиональным характером похоронного ритуала в дореволюционной России, а вслед за этим на основе источников личного происхождения будет дано описание практики политизированных публичных похорон и того эффекта, который производила эта практика на современников. Данные материалы, проанализированные в русле методологической рамки культурной истории, демонстрируют большое общественно-политическое значение данной практики как в революционном движении XIX века, так и в период Революции 1917 года.

Конфессиональность похорон в России до революции и их публичный характер

Похоронные практики в дореволюционной России были конфессиональными и строго регламентировались нормами той конфессии, к которой принадлежал умерший. Это значит, в числе прочего, что для лиц православного вероисповедания похоронить человека без священника, минуя церковное отпевание, было практически невозможно. Редкие случаи, в которых совершить отпевание невозможно по объективным причинам, оговаривались отдельно. Обязательным было участие священника в похоронной процессии. Регламентировалось и само устройство похоронной процессии, надписи на траурных венках, внешний вид и одежда умершего. Эти сведения были широко известны и содержались в специальной литературе для священников, такой как «Настольная книга для священно-церковнослужителей» [2, с. 1289–1373]. Другой важнейшей чертой похоронной культуры в дореволюционной России был ее публичный характер. Разделенные на разряды и чины погребения в зависимости от сословной принадлежности и благосостояния умершего, похороны, в какой бы среде они ни происходили, редко когда были частным семейным делом. В крестьянских похоронах вся община оказывалась включена в похоронные ритуалы, помогая семье умершего с приготовлением поминок, уборкой дома, выносом тела и рытьем могилы. В городах торжественная траурная процессия из дома умершего в церковь и на кладбище становилась заметным общественным явлением.

В то же время, начиная с середины XIX века, публичность похорон постепенно начинает приобретать еще одну новую черту, ранее ей несвойственную. Формируется особая, параллельная основному похоронно-поминальному обряду группа практик, посредством которых стали выражаться смыслы, изначально этому обряду не присущие: похоронный обряд начинает все чаще и чаще использоваться как средство поли-

тической манифестации. Нет сомнения в том, что эта новая черта похорон стала результатом нарастания внутренних конфликтов в российском обществе. Усиление цензуры, последовательный отказ от конституционных реформ, с одной стороны, и рост революционного движения – с другой, оставляли все меньше и меньше возможностей для открытого политического высказывания. В поисках площадки для сравнительно безопасного политического высказывания общество не случайно обращается именно к похоронам, в которых как таковая обрядовая функция все больше совмещалась или даже замещалась перформативной. Перформативный потенциал похоронных практик был неоднократно исследован как на отечественном [3], так и на иностранном материале [4; 5]. Несмотря на строго прописанный церемониал православных похорон, сама по себе традиционная практика публичного выражения скорби создавала дополнительные возможности для высказывания. Многообразие символики в похоронах, траурные венки с лентами, традиция плачей и причитаний, сама по себе похоронная процессия и надгробные речи – все это давало множество возможностей для того, чтобы выразить свою позицию, а главное – позволяло открыто собираться огромной толпе единомышленников.

Анализ практики публичных похорон

Отдельные случаи похорон, выходящих за рамки Устава Русской Православной Церкви, фиксируются исследователями с середины XIX века. Первые же случаи подобного рода обнаруживают устойчивую тенденцию к использованию похорон как удобной площадки для выражения оппозиционной политической позиции: похоронная процессия стихийно превращалась в политическую демонстрацию, при этом лозунги часто украшали траурные венки, а шествие оканчивалось так называемой «гражданской панихидой», то есть речами, произносимыми на кладбище у могилы. Поводом для неклассических похорон во всех этих случаях был общественный резонанс, связанный с личностью, обстоятельствами и/или самим фактом смерти усопшего. В похоронах такого типа принимали участие лишь отдельные слои общества – в первую очередь студенты и другая «прогрессивно настроенная молодежь», которые устраивали «гражданскую панихиду» или демонстрацию стихийно. Такие похороны значительно отличались от классического православного погребения. Однако в некоторых случаях, например на похоронах Некрасова, гражданская панихида сочеталась с церковным отпеванием. В других – например, при погребении многих революционеров, погибших в 1905 году, церковного отпевания не происходило. Объединяло все эти случаи также то, как реагировала власть и общество еще до собственно события похорон. После известия о смерти человека, вокруг смерти которого могла сформироваться манифестация, власть предпринимала усилия, направленные на то, чтобы снизить возможный резонанс, утаить маршрут перемещения тела или место отпевания, сделать похороны как можно менее людными, ввести дополнительные обязательные занятия в университетах и т.д.

Первыми по-настоящему особыми похоронами стали похороны Н.А. Некрасова в 1887 году [6, с. 34]. По мнению исследовательницы «красной об-

рядности» Н.С. Полишук, «первыми "невиданными ... и по многолюдству, и по внешнему виду" были похороны Н.А. Некрасова (декабрь 1887 г.). Именно на них впервые была нарушена традиционная структура траурной процессии: священник – колесница с покойным (или гроб на руках) – провожающие. На похоронах Н.А. Некрасова процессию "стихийно" возглавила толпа молодежи с несколькими огромными венками, "украшенными надписями" ...» [6, с. 34].

По воспоминаниям В.Г. Короленко, бывшего свидетелем этих похорон, то действие, которое производили работы Некрасова на молодежь, сделало неизбежным выступления на его похоронах: «Когда он умер (27 декабря 1877 г.), то, разумеется, его похороны не могли пройти без внушительной демонстрации. В этом случае чувства молодежи совпадали с чувствами всего образованного общества, и Петербург еще никогда не видел ничего подобного. Вынос начался в 9 часов утра, а с Новодевичьего кладбища огромная толпа разошлась только в сумерки. Полиция, конечно, была очень озабочена» [7, с. 197].

Новый ритуал публичного политического прощания развивается на протяжении всей 2-й половины XIX века. Похороны актера А.Е. Мартынова (1860 г.), писателей Н.А. Добролюбова (1861 г.), Ф.М. Достоевского (1881 г.), И.С. Тургенева (1883 г.), М.Е. Салтыкова-Щедрина (1889 г.) и Н.В. Шелгунова (1891 г.) сопровождалась демонстрациями десятков тысяч людей. Напор толпы, по воспоминаниям современников, был столь силен, что полиции приходилось лишь отступать в сторону. Поняв, что «публичные похороны харизматических идеологов-мыслителей стали неотъемлемой чертой русской общественной жизни» [8, с. 46], власти старались делать все возможное для того, чтобы свести к минимуму политическое содержание публичных похорон и/или не допустить их огласки. Так, например, после смерти Тургенева, который скончался после продолжительной болезни во Франции, «шеф полиции Плеве запретил распространять какую бы то ни было информацию о маршруте поезда, дабы избежать "торжественных встреч"; также принимались меры к тому, чтобы рассеять общественный ажиотаж вокруг похорон. Некий офицер в то время написал, аргументируя необходимость цензурировать репортажи газетных корреспондентов, посылаемые в Петербург: "Нет сомнения, что они будут телеграфировать в Санкт-Петербург о том, что тело Тургенева проследовало через Псков, и о встрече его в городе, и я заранее уверен, что они попытаются придать всем этим вещам как можно более широкое и торжественное значение, значение, которого они в действительности не имеют"» [8, с. 47].

Хотя наиболее известными были и остаются публичные похороны писателей и общественных деятелей, уже во второй половине XIX века в политическую демонстрацию могли перерасти и похороны менее известных людей. В апреле 1876 года похороны бывшего студента Медико-хирургической академии Чернышева, умершего от туберкулеза после двух лет, проведенных в тюрьме, переросли в политическую демонстрацию при участии студентов Академии и женских курсов. Это событие воспринималось как настолько важное, что ему было посвящено отдельное совещание с участием императора Александра II, великих князей, наследника цесаревича, министров внутренних дел и юстиции, шефа жандармов, петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова и др. В качестве одной из мер, для предотвращения подобных злоупотреблений в будущем, предлагалось «установить законодательным порядком то, что существует во всех государствах, – именно предоставить полицейскому начальству право своей властью устанавливать и объявлять известного рода правила или запрещения касательно соблюдения внешнего порядка и благочиния, с тем притом, чтобы установлены были в законе и наказания за нарушения подобных полицейских распоряжений» [9, с. 70–72].

Поводом к манифестации могли стать и похороны человека, совсем далекого от политики. Так, в 1903 году в Петербурге на фоне сложных отношений с учителями покончил с собой воспитанник одной из гимназий. «Тогда 8 класс возмутился и решил устроить демонстрацию. По всем гимназиям были разосланы приглашения прибыть на похороны и в день их со всех концов города явились толпы гимназистов. <...> Шествие выстроилось грандиозное. Один из очевидцев уверял, что позади гроба развевалось знамя с надписью «еще одна жертва педагогической рутины». На Литейном мосту шествие было остановлено полицией и отрядом казаков; приказа разойтись молодежи, конечно, не послушалась, и произошла свалка. Гроб, который несли на руках, опрокинули в грязь, в ход пошли кулаки и нагайки и – шествие было разогнано <...> много арестованных и сильно пострадавших» [10, с. 38].

Так или иначе, но ко второй половине XIX века использование похорон известных людей для политических выступлений воспринималось скорее как норма, и полиция, и власти предвидели такого рода выступления и готовились к ним. Ко времени первой русской революции в 1905 году это была уже хорошо сложившаяся практика гражданского и политического акта, которая в ситуации революции приняла невероятный размах. Как отмечалось в 1910 году в редакционной статье «Вестника Европы», посвященной смерти и похоронам С.А. Муромцева, «со времени политического "пробуждения" России похороны тех, кто «поднялся над морем посредственности и остался след в сознании нации», становятся «общественными событиями огромной важности» [8, с. 46].

Описание похорон публициста и теоретика народничества Н.К. Михайловского в феврале 1904 года свидетельствует о том, что канон политических похорон к этому времени окончательно сформировался: «Собралась толпа народу, какой я не видел с похорон Тургенева: городской, окинув площадь опытным взглядом, сказал мне, что здесь от четырех до пяти тысяч человек. Множество студенток и курсисток (одна страшнее другой!). И что было запрещено после похорон Тургенева: весь долгий путь до Волкова кладбища гроб несли на плечах (так что блеск светлого металла был виден издали и со всех сторон); взявшись за руки, студенты образовали вокруг гроба широкую цепь, тогда как другая толпа учащих обоим пола шла впереди и всю дорогу пела «Святой Боже» и «Вечная память» [И для пробы: «Не бил барабан» – Ф.]. Сзади, на катафалке, покрытом балдахинном, висел – среди прочих – венок из голубых металлических цветов, украшенный белыми лентами, на которых можно было прочесть надпись: «От сидящих в доме предварительного заключения». На балдахине слева – другой крест, увитый красны-

ми лентами с надписью: «От интеллигентного пролетариата». За катафалком следовали три подводы, доверху груженные венками (в основном – металлическими) с лентами. Полиция (в том числе конная) была сама любезность и ни во что не вмешивалась, так что царил образцовый порядок» [11, с. 366–367].

Образцовый порядок без участия полиции на политизированных похоронах с десятками тысяч участников часто отмечают мемуаристы, более того, именно в отсутствии полиции они видят причину порядка, а не наоборот («полиция почти отсутствовала и порядков не наводила, а потому он был образцовый» [10, с. 127]). Как пишет У. Никелл о похоронах Ф.М. Достоевского, «эта спонтанная, органичная реакция, выходящая за рамки распоряжений правительства, а порой и прямо противоречащая им, свидетельствовала о политической самостоятельности русского общества и дала правительству понять, что оно не властно удержать символический смысл смерти Достоевского в узде официальной идеологии» [8, с. 46]. Именно возможность выйти за формальные ограничения текущей официальной идеологии придавала публичным похоронам такую силу. При этом политизация похорон совсем не воспринималась как прерогатива какой-то конкретной политической силы. В отдельных случаях политизированы могли быть и похороны монархически настроенных граждан. Так, директор Императорских театров Владимир Теляковский описывает похороны пензенского губернатора С.В. Александровского 14 февраля 1907 года также как глубоко политизированные. Он утверждает, что «между венками был один веночек от Союза русского народа и будто на лентах было кровью написано. Священник говорил проповедь с политическим оттенком. Была масса присутствующих и венков» [12, с. 126].

Революция 1905 года стала катализатором огромного числа похорон, имевших уже открыто политический характер. Наиболее ярким примером такого рода стали похороны студента Н.Э. Баумана 20 октября 1905 года в Москве [13, с. 107; 14, с. 136–137]: «...к полудню около Училища собралось до пятнадцати тысяч человек. Вынос тела состоялся в двенадцать часов дня, причем процессия проследовала в таком порядке: впереди всех вслед за гробом шла организованная из студентов и рабочих боевая дружина, замыкавшаяся санитарным отрядом, организованным из студентов и курсисток; далее следовали флагоносцы, неся флаги и знамена с различными надписями; процессию замыкали студенты с венками от различных революционных и оппозиционных организаций и частных лиц. В качестве охранителей порядка ехали студенты, одетые в маршальские костюмы. Процессию сопровождали все собравшиеся к Техническому Училищу, причем большинство имели в петлицах и на головных уборах красные ленты. Демонстранты несли лозунг, который в советские времена из фотографий тщательно вычищался: "требуем созыва Учредительного собрания"» [15].

Несмотря на то, что похороны такого рода не были редкостью к 1905 году, размах и огромная народная поддержка манифестации, которая сопровождала похороны Баумана, произвели большое впечатление на современников: «Вчера я совершенно случайно попала на похороны Баумана, убитого во время манифестаций. Мы сидели на крыше хлудовского дома в тушике. Грандиозное зрелище, поразительный по-

рядок, громадная толпа (говорят, до 100000 человек). Красный гроб, масса красных флагов и венков, пение революционных песен – что-то для Москвы небывалое. Впрочем, не могу сказать, что это произвело на меня громадное впечатление, – я не люблю толпы и манифестаций. К сожалению, все это не кончилось благополучно; казаки стреляли в народ, когда молодежь возвращалась с похорон. Есть убитые и раненые» [16, с. 325].

Необходимо отметить, что похороны такого рода могли быть организованы не только для революционеров. Так, похороны умершего буквально через несколько дней после Баумана первого выборного ректора Московского университета князя С.Н. Трубецкого в Москве и Петербурге также переросли в демонстрацию, с политическими лозунгами и пением «Марсельезы». Впрочем, в отличие от похорон Баумана, в этом случае совмещалась революционная и религиозная символика: «Невский залили толпы в сопровождении духовенства: несли на руках один профессорский гроб, направляясь к вокзалу: впереди же шло море зелени; развевались кровавые атласные ленты» [17, с. 77]. «Алые ленты венков, ярко оттеняя зелень листьев, проливались над морем черных голов. Перед каждой церковью обнажались головы и многочисленные хоры пели «Вечная память». Во главе процессии на длинном древке несли пучок алых цветов, и ленты, ниспадая, развевались» [18, с. 80]. «Было много красных венков, и все время пели «Марсельезу», впечатление страшно сильное» [16, с. 327].

Выводы

Публичные политические похороны возникают в Российской империи в середине XIX века. Эта практика становится востребованной среди революционно настроенной молодежи, хотя зачастую похороны такого рода организуются стихийно не только для людей, непосредственно вовлеченных в революционную деятельность, но и для широкого круга лиц, которых политизированная молодежь рассматривала как близких по духу. При этом сами участники революционного движения активно используют публичные похороны как площадку для политического высказывания, демонстрируя во время похоронной процессии транспаранты, лозунги, пение революционных песен и т.д. В моменты революционного подъема такого рода манифестации оказывались наиболее востребованными. Именно поэтому похороны жертв революции на Марсовом поле, о которых шла речь в начале этой статьи, стали столь заметным явлением в общественной и политической жизни революционного Петрограда.

Проанализированные в данной статье материалы показывают, что публичные похороны носили перформативный характер и играли важнейшее общественно-политическое значение не только внутри революционного движения, но и за его пределами. Источники личного происхождения свидетельствуют о том, что похороны такого типа становились сильнее переживанием для современников. Таким образом, рассмотренные материалы позволяют утверждать, что уже во 2-й половине XIX века похоронный ритуал приобретает ряд значимых функций, далеко выходящих за пределы традиционного похоронно-поминального обряда. Эти функции продолжают сохранять свое значение вплоть до революции 1917 года.

Список литературы:

1. Пришвин М.М. Дневники. 1914–1917. 2-е изд., доп. / подг. текста Л.А. Рязановой, Я.З. Гришиной. СПб.: Росток, 2007. 608 с.
 2. Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковнослужителей: сб. сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства. Киев: Тип. Киево-Печерской Успенской лавры, 1913. 1772 с.
 3. Sokolova A. When ritual becomes protest: crossing the bridge of Russian mourning // *Javnost*. 2020. Vol. 27, iss. 1. P. 48–64. DOI: 10.1080/13183222.2020.1675424.
 4. Spontaneous shrines and the public memorialization of death / J. Santino (ed.). N.Y.: Palgrave Macmillan, 2006. 358 p.
 5. Grassroots memorials. The politics of memorializing traumatic death / ed. by P.J. Margry, C. Sánchez-Carretero. New York–Oxford: Berghahn, 2011. 376 p.
 6. Полищук Н.С. Обряд как социальное явление (на примере «красных похорон») // *Советская этнография*. 1991. № 6. С. 25–39.
 7. Короленко В.Г. Похороны Некрасова и речь Достоевского на его могиле // *Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников*. В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1990. С. 197–200.
 8. Никелл У. Смерть Толстого и жанр публичных похорон в России // *Новое литературное обозрение*. 2000. № 44 (4). С. 43–61.
 9. Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1876–1878. М.: Росспэн, 2009. 703 с.
 10. Минцлов С.Р. Петербург в 1903–1910-х гг. Б.м.: Salamandra P.V.V., 2012. 287 с.
 11. Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 864 с.
 12. Теляковский В.А. Дневники директора Императорских театров. 1906–1909. Петербург. М.: Арт, 2011. 928 с.
 13. Живаго А.В. Дневник А.В. Живаго: театральные заметки (1874–1912). М.: Государственный Центральный театральный музей, 2016. 376 с.
 14. Прокофьев В.А. Дубровинский. М.: Молодая гвардия, 1969. 224 с.
 15. Николай Эрнестович Бауман [Электронный ресурс] // Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана. <http://hoster.bmstu.ru/~vil/bauman.htm>.
 16. Найденов А.А. Альбом фотографий 1889–1915. Семейная хроника. Дневник Тани Найденовой 1904–1907. М.: Близнецы, 2001. 395 с.
 17. Белый А. Петербург: Роман в восьми главах с прологом и эпилогом. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1981. 696 с.
 18. Белый А. Князь С.Н. Трубецкой // *Весы*. 1905. № 9–10. С. 79–80.
- Статья публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.*

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
Соколова Анна Дмитриевна , кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела русского народа; Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва, Российская Федерация). E-mail: annadsokolova@gmail.com .	Sokolova Anna Dmitrievna , candidate of historical sciences, researcher of Russian People Department; N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: annadsokolova@gmail.com .

Для цитирования:

Соколова А.Д. Революционное движение и практика публичных похорон в отражении источников личного происхождения // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, № 1. С. 255–259. DOI: 10.55355/sn2022111217.